ISSN 2227-6165

ART & CULT
АРТИКУЛЬТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ ИСКУССТВА РГГУ
научный электронный журнал

DOI: 10.28995/2227-6165-2019-3-48-62

Е.И. Кононенко
кандидат искусствоведения,
зав. Сектором искусства стран Азии и Африки
Государственного института искусствознания
J_kononenko@inbox.ru

КОМПЛЕКС БАЯЗИДА II В ЭДИРНЕ: В ОЖИДАНИИ «БОЛЬШОГО СТИЛЯ» ОСМАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В историографии османского зодчества памятники рубежа XV–XVI вв. уже определялись как «прелюдия к большому стилю», однако смысл этого термина не был раскрыт, а внимание исследователей оказалось сосредоточено на мечети Баязидие в Стамбуле (1500–1506). Между тем более ранний (1484–1488) госпитальный комплекс Баязида II возле фракийского города Эдирне демонстрирует закрепление ряда программных новаций, достигнутых в стамбульских памятниках, и распространение столичных приемов планировки и архитектурной композиции в провинцию. Именно этот памятник, до сих пор не анализировавшийся в отечественной литературе, более чем на четверть века предопределил композицию зданий, строившихся под патронатом султанов, и во многом обусловил образ «большой османской мечети», развитый Синаном в середине XVI в.

Ключевые слова: «большой стиль», османская архитектура, куллие, Баязид II, Эдирне, архитектурная композиция, «большая османская мечеть»

The monuments of the turn of the 15th–16th centuries are already defined in the historiography of Ottoman architecture as “prelude to grand manner”, however, the meaning of this term was not disclosed, and the attention of researchers turned to be concentrated on the Bayazidiye Mosque in Istanbul (1500–1506). Meanwhile, the earlier (1484–1488) hospital complex of Bayazid II near the Thracian town of Edirne demonstrates the consolidation of a number of program innovations achieved in Istanbul monuments and the dissemination of metropolitan planning techniques and architectural composition to the provinces. It is this monument, which has not yet been analyzed in the domestic literature, for more than a quarter of a century predetermined the composition of buildings erected under the sultan’s patronage and largely determined the image of the “Great Ottoman mosque” developed by Sinan in the middle of the 16th century.

Keywords: “great style”, Ottoman architecture, kulliye, Bayazid II, Edirne, architectural composition, “Great Ottoman Mosque”

Термин «большой стиль» (*Grand maniere*), не имеющий четкого словарного определения, «явочным порядком» (начиная с IV «Речи об искусстве» Дж. Рейнолдса [Reynolds, 1981, p. 64-72]) закрепился в работах искусствоведов для обозначения расцвета официального (чаще всего академического) искусства, сопровождающегося, как правило, разработкой соответствующей эстетической концепции. Смысловое наполнение этого понятия во многом субъективно и зависит от предмета исследования конкретного автора. Применительно к истории османской архитектуры данный термин уже был использован Годфри Гудвином [Goodwin, 2003, p. 5, 143]; правда, исследователь не потрудился объяснить собственное понимание словосочетания, однако уже из оглавления его хрестоматийной монографии можно понять, что под «большим стилем» (*Grand Manner*) автор подразумевал зодчество XVI в., а конкретнее – произведения знаменитого Синана, придворного мастера трех султанов, создавшие узнаваемую панораму Стамбула и предопределившие дальнейшее развитие турецкой архитектуры (см.: [Кононенко, 2018, с. 110-113]. Для нас, однако, важнее обратить внимание на выделенный Гудвином этап, названный «прелюдией к большому стилю» и связываемый с правлением Баязида II.

Тридцатилетний султанат Баязида II Справедливого (1481–1512) стал для Османской империи периодом стабилизации. Его отец Мехмед II Фатих (Завоеватель), правивший также 30 лет, не

© Кононенко Е.И., 2019

ISSN 2227-6165

только присоединил к своей державе последние осколки Византии – Константинополь и Морею, но и установил контроль над Сербией, Герцеговиной, Валахией, рядом островов Эгейского моря, побережьем Крыма, ослабил главного конкурента Османов в Анатолии – княжество Караман (см.: [Babinger, 1992]). На фоне этих эффектных завоеваний, значительно расширивших владения и укрепивших авторитет Дома Османа, Баязиду II пришлось «улаживать» конфликты, оставленные ему в наследство, – обеспечивать легитимность своей власти в борьбе с братом Джемом, подавлять анатолийские восстания, закреплять приобретения в Венгрии, обмениваться спорными территориями с Венецией, решать пограничные споры с египетскими Мамлюками и иранскими Сефевидами, причем правитель, в отличие от предшественников и наследников, предпочитал доверять командование войсками своим полководцам и занимался государственными делами, оставаясь в столице. Не слишком яркая, но результативная деятельность султана позволила его сыну Селиму I сосредоточиться на завоеваниях арабских стран, а внуку Сулейману I – подчинить всю Юго-Восточную Европу, Месопотамию и Магриб. Кроме того, к заслугам Баязида II следует отнести принятие изгнанных из Испании иудеев и мусульман – беженцы пополнили интеллектуальную и ремесленную элиту Османской империи (см.: [Süreyya Mehmed Bey, 1996, s. 4-43]).

Одним из важнейших действий османского султана как главы мусульманского государства было поддержание исламских учреждений – медресе, мектебов (коранических школ), дервишеских обителей (*текке*), а также строительство новых мечетей. Подобные акты четко фиксировались хронистами как свидетельства богобоязненности правителя и соответствия Божественному установлению. Необходимо отметить, что аскет и мистик Баязид II вошел в историографию с эпитетом *вели* («святой»). Его имя оказалось увековечено сразу в трех султанских *куллие* – в Амасье, Эдирне и Стамбуле (планы см.: [Kuran, 1968, p. 56, 172, 194]).

Куллие являются специфическими анатолийскими градостроительными ячейками. В состав таких комплексов, обслуживавшихся специально основанными вакуфными фондами[1], обычно входили мечеть, образовательные учреждения (медресе и мектебы), общежития для учеников, кухни и благотворительные столовые (*имареты*), помещения для учителей и дервишей, постоялые дворы и другие здания. Основание вакфа считалось заслугой перед Аллахом и обеспечивало молитвы в память учредителя (который часто был похоронен на территории куллие); кроме того, перевод части имущества в вакф оказывался для частных лиц действенным средством уйти от налогообложения [Wolper, 2003, p. 25-27, 35-36; Кононенко, 2017, с. 180-183]. Для нас более важно то, что куллие, первоначально строившиеся вне городских стен, становились центрами инфраструктуры новых районов: мечети и имареты привлекали прихожан, вблизи студенческих общежитий и караван-сараев возникали базары, функционирование комплексов требовало проведения водопровода... Вполне естественно, что куллие становились «точками конденсации» градостроительного процесса – вскоре вокруг них формировались новые жилые кварталы и целые поселения (*махалла*), на которые обычно переходило название куллие, в свою очередь носившее имя своего основателя. Практика направления развития застройки пригородов с помощью куллие была многократно опробована Сельджуками Рума и взята на вооружение Османами в Бурсе, Эдирне и других растущих городах [Кононенко, 2014, с. 74-78]. В Стамбуле, правда, османские куллие встраивались непосредственно в плотную застройку византийского города, превращаясь в ядро исламизации и османизации новой столицы. Начало этому процессу было положено закладкой в 1463 г., через 10 лет после взятия Константинополя, на месте императорского династического некрополя – церкви Св. Апостолов – огромного (200х220 м) комплекса Фатих с беспрецедентной для османской архитектуры симметричной планировкой [Kuran, 1968, p. 192-193; Dark, Özgümüş, 2002; Necipoğlu, 2010, p. 266-268].

Баязид II продолжил начатую отцом перепланировку Стамбула, основав в 1500 г. куллие на Третьем холме, и построенная им столичная мечеть, архитекторы которой во многом

[1] *Вакф* – неотчуждаемое имущество (земли, постройки, учреждения), переданное на благотворительные цели (см.: [Rogers, 1976]).

ISSN 2227-6165

ориентировались на образ храма Св.Софии, во многом предопределила эволюцию османской культовой архитектуры «великолепного века» (подробнее см.: [Kuran, 1968, p. 210-212; Goodwin, 2003, p. 169-173]). Однако будущий султан выступил патроном строительства еще будучи наместником северо-анатолийской Амасьи – одного из важных региональных центров, в которых потенциальные наследники престола проходили своеобразную «стажировку» в административной деятельности. Куллие Баязидие было основано в 1481 г., за несколько месяцев до смерти Мехмеда II и заканчивалось уже после коронации Баязида II. Мечеть нового комплекса во многом следовала характерной для раннеосманских куллие айванной типологии (см.: [Oğuz, 2006, p. 88-100]); кроме молитвенного здания, в состав ансамбля вошли два корпуса Г- и П-образной планировки (в них расположены медресе, кораническая школа и имарет с рядом хозяйственных помещений). Новшеством оказалась планировка куллие: постройки, разделенные проходами, выстроены вдоль одной линии, образуя общую плоскость фасадов со стороны основной городской застройки и разворачиваясь галереями дворов к реке, организуя участок набережной. Архитектура ансамбля рассчитана на восприятие прежде всего со стороны реки – с мостов и возвышающейся за ней горы, в крутом склоне которой, обращенном к югу, вырублены фасадные гробницы понтийских царей, а на вершине расположена крепость. Такое расположение султанского комплекса подтверждает внимание мастеров Баязида II к созданию точек зрения на возводимые объекты, выстраиванию городских доминант и противопоставлению значимых мест (см.: [Dündar, 2003]).

Одновременно со строительством куллие в Амасье султаном Баязидом в 1484–1488 гг. велось строительство комплекса в Эдирне (*рис. 1*). Следует напомнить, что этот небольшой фракийский город еще недавно являлся румелийской (европейской) столицей державы, раскинувшейся в двух частях света, но и после взятия Стамбула остался пунктом сбора османских войск для походов в Европу (подробнее см.: [Fodor, 2009, p. 198-226]); о важности этого места в качестве султанской резиденции говорит и тот факт, что именно сюда Баязид II на несколько месяцев перенес административный центр государства после «Малого конца света» (тур. *Küçük Kıyamet*) – разрушительного Стамбульского землетрясения 1509 г. Место для ансамбля было выбрано к северо-западу от города за рекой Тунджа недалеко от загородного дворцового комплекса (Сарайичи), расширенного при Мехмеде II. Сохранившиеся вакуфные документы позволяют оценить

Рис. 1.
Куллие Баязида II, Эдирне. Вид с юго-востока (от Нового дворца). Фото автора, 2018.

численность персонала куллие в 160 человек, а имарет должен был кормить ежедневно несколько сотен студентов, странников и нуждающихся (см.: [Düngar, 1983, p. 8-9; Goodwin, 2003, p. 149-150]). Закладка большого ансамбля за городом и организация развитой инфраструктуры наверняка предполагали развитие застройки Эдирне в направлении Нового дворца, но этого не произошло, – город не «дотянулся» до комплекса Баязида II, а к северу от него возникло самостоятельное поселение – махалла Йениминарет.

Ансамбль в целом и особенно мечеть эдирнского куллие Баязидие оказываются промежуточным звеном между вполне традиционным комплексом в Амасье и стамбульской мечетью Баязида II, оцениваемой как рубеж в эволюции османской культовой архитектуры [Kuran. 1968, p. 211; Goodwin, 2003, p. 168; Freely, 2011, p. 21, 183]. Однако в большинстве хрестоматийных «историй турецкой архитектуры» (в частности, в монографии Ю. Миллера [Миллер, 1965]) работы мастеров Баязида II в Эдирне вообще не упоминаются. Такое положение заставляет четко охарактеризовать новации памятника, возведенного вблизи фракийского города, и его место в сложении «большого стиля» и османского зодчества в целом.

Следует отметить, что к концу XV в. Эдирне не особенно нуждался в новых больших мечетях и куллие – внутри городской застройки было достаточно квартальных мечетей, а в центре у подножия возведенного на холме Старого дворца (на месте которого в 1570-х гг. великий Синан построил огромную Селимие-джами – один из главных шедевров всей османской архитектуры [Kuban, 1997]) соседствовали две вместительные культовые постройки – Эски-джами (Старая мечеть, 1403–1414) и Юч Шерефели-джами (1438), причем необходимость появления второй огромной «соборной» мечети через несколько десятилетий после первой вызывает вопросы (см.: [Кононенко, 2017, с. 326-333, 362-370]). Новый дворец на Тундже также имел собственную мечеть. Таким образом, ни религиозные потребности населения, ни планы развития румелийской столицы Османов не оправдывают возникновение загородного куллие.

Учреждением, вокруг которого формировался комплекс Баязида, стали (вопреки обыкновению) не мечеть и медресе, а *дарушшифа* («дом здоровья»). В клинике Баязидие практиковались учащиеся находившегося здесь же медицинского медресе, ее же обслуживал имарет с приданными ему мельницей, складами и другими необходимыми хозяйственными постройками. Необходимость крупного госпиталя в военной ставке, безусловно, понятна; однако куллие Баязидие быстро превратилось в полноценный мединститут, готовивший практикующих врачей, слава о котором выходила далеко за пределы османских территорий, а клиника могла предложить пациентам прием узких специалистов (в т.ч. хирургов, стоматологов, психиатров и, как ни странно, акушеров), лекарственную терапию, восстановление под наблюдением врачей, необходимые диеты. Для клиники был выстроен отдельный корпус, включавший жилые помещения (палаты), кухни, аптеку, «кабинеты» принимающих врачей, расположенные по периметру внутренних двориков и шестиугольного купольного зала[2]. В состав комплекса традиционно вошли мечеть, к которой пристроены гостевые помещения-*табхана*, хамам и мост через реку (подробнее см.: [Düngar, 1983, p. 8-13; Müderrisoğlu, 1991; Kazancıgil, 1997]) (*рис. 2*).

Расположенную в центре комплекса мечеть А. Куран, создатель разветвленной типологии раннеосманской культовой архитектуры, отнес к особой группе «мечетей с одним объемом и дополнительными частями» (*Single-unit mosque with complex massing*), которую был вынужден выделить для объединения небольшого количества памятников, появившихся во II пол. XV в. и обладающих некоторыми элементами *завие* (обителей дервишей), – в частности, дополнительными помещениями (*табхана*), расположенными, как правило, на дополнительной поперечной оси в северной части плана и придавающими памятникам этой группы Т-образную планировку [Kuran, 1968, p. 48, 56-59]. Место Баязид-джами в этой группе определено турецким исследователем как кульминация (*highlight*); аналогично охарактеризовал рассматриваемый памятник среди однокупольных мечетей и Г. Гудвин [Goodwin, 2003, p. 144].

[2] В настоящее время в помещениях куллие Баязидие расположены кафедра истории медицины медицинского факультета Фракийского университета в Эдирне, экспозиция и фонды Музея истории медицины.

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

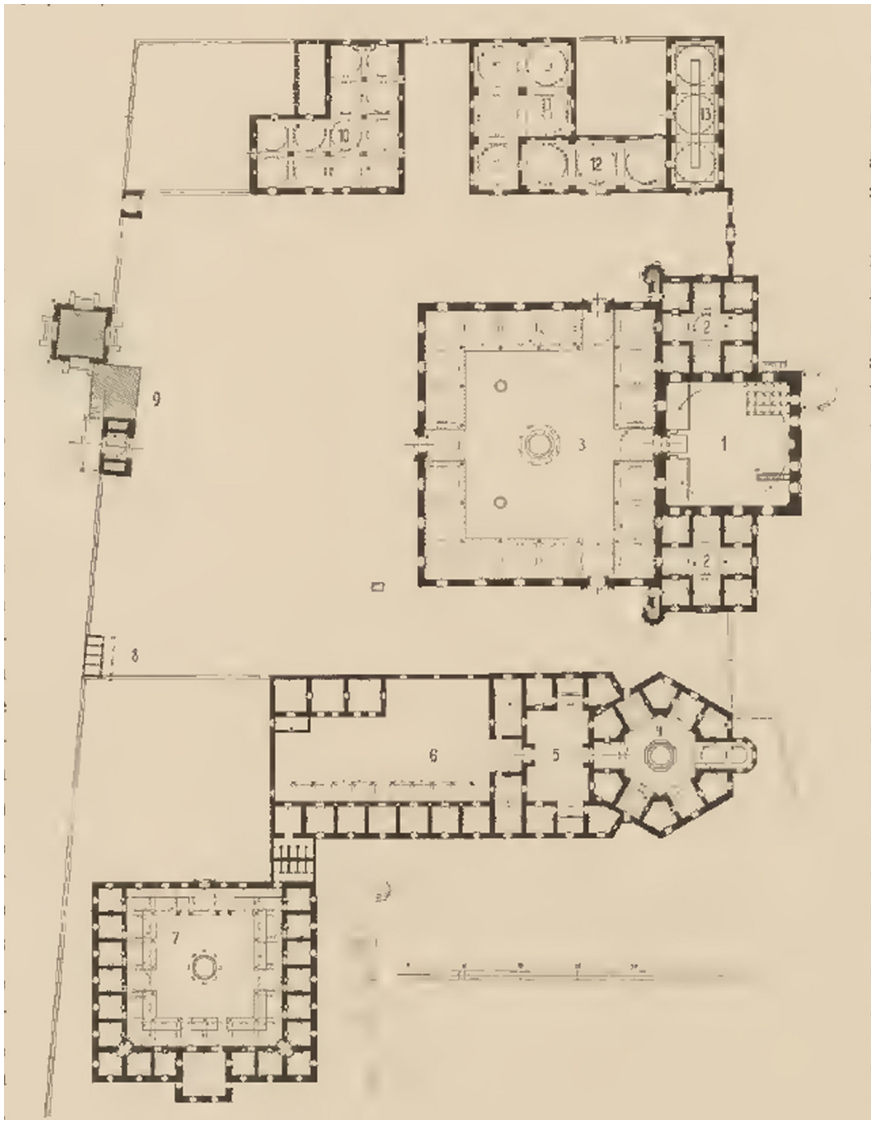

Рис. 2.
Куллие Баязида II, Эдирне. План. Источник: [Gurlitt, 1912, T. 1. s. 66].

Молитвенный зал мечети Баязида II представляет собой куб, перекрытый куполом диаметром 20,5 м; высота граней куба равна диаметру купола; нижние точки огромных парусов находятся точно на середине высоты стен, и в разрезе зала образуются две одинаковые дуги, расположенные одна над другой (*рис. 3-5*). Под пяты арок парусов в углах зала подведены граненые вертикальные тяги, не конструктивные, однако грамотно подчеркивающие тектонику интерьера (восприятие интерьера мечети сильно искажено позднеосманскими росписями в стиле рококо, выполненными итальянскими мастерами и тщательно реставрируемыми, однако бóльшая часть стен расчищена, обнажая ровную кладку крупных блоков светлого камня на темно-розовом растворе). Использование парусов позволило архитектору разгрузить стены, прорезанные тремя (на боковых стенах) и четырьмя (на стене киблы) горизонтальными рядами световых проемов, что при отсутствии боковых нефов и наличии светового барабана сделало интерьер самым светлым из всех предшествующих османских мечетей.

Цельность интерьера молитвенного зала нарушается примыкающими к северной стене деревянными двухъярусными балконами по обе стороны от высокого входного портала и своеобразной «царской ложей» (*emir-mafil*), расположенной в юго-восточном углу помещения (*рис. 6, 7*). Балконы, закрытые решетками и предназначенные для женщин, являются поздним дополнением, что доказывается лестницами на верхний ярус, частично перекрывающими проходы в изолированные угловые *табхана*. *Эмир-мафиль* перестроен в широкий мраморный балкон,

Рис. 3.
Мечеть Баязида II, Эдирне. Вид с юго-запада. На переднем плане – западное завие. Фото автора, 2018.

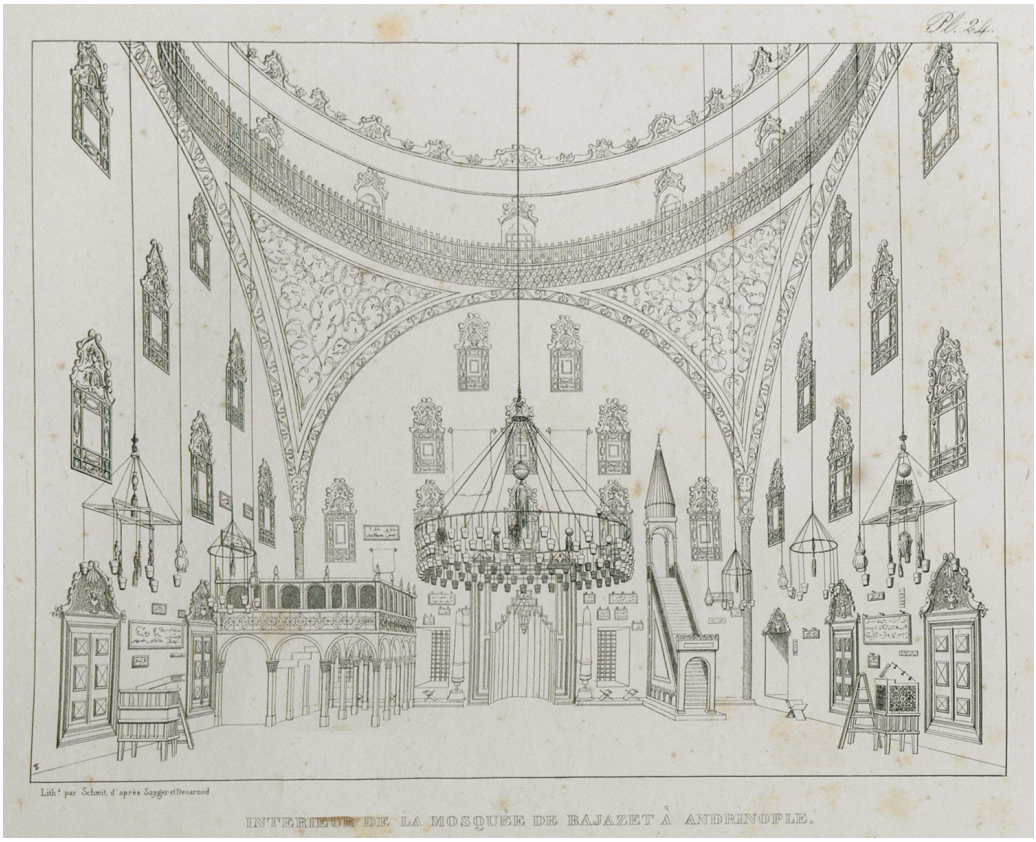

Рис. 4.
Мечеть Баязида II, Эдирне. Интерьер по состоянию на первую треть XIX в.
Источник: [Sayger, Desarnod, 1834, pl. 24].

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

Рис. 5.
Мечеть Баязида II, Эдирне. Интерьер. Вид на южную часть интерьера с западного балкона.
Фото автора, 2018.

Рис. 6.
Мечеть Баязида II, Эдирне. Интерьер. Вид на северную часть (входной портал и балконы).
Фото автора, 2018.

Рис. 7.
Мечеть Баязида II, Эдирне. Эмир-мафиль. Фото автора, 2018.

поднятый на аркадах, опирающихся на мраморные колонны, но он существовал в мечети изначально – возможно, в виде возвышения на деревянных столбах, аналогичного сохранившемуся в позднесельджукской Эшрефоглу-джами в Бейшехире (1299) (см.: [Кононенко, 2017, с. 234-245]). Подобное возвышение было редкостью для сельджукской архитектуры, а в османских мечетях введено впервые [Goodwin, 2003, p. 144], но позже будет довольно часто воздвигаться в особо значимых «больших османских мечетях», строящихся по непосредственному заказу правящего султана. Такие «террасы», недоступные для простых молящихся, были призваны не только обеспечить комфортную изоляцию правителя во время пребывания в мечети, но и буквально «вознести» его над *уммой* (общиной единоверцев), а также «обозначать» незримое присутствие эмира, упоминаемого в *хутбе* (проповеди с выражением лояльности светскому владыке) в городских мечетях [Кононенко, 2017, с. 244-245]. Возможно, что появление *эмир-мафиля* именно в мечети медицинского комплекса под Эдирне было вызвано практической необходимостью оградить султана от контакта с пациентами лечебницы; но в любом случае наличие этого элемента в интерьере Баязид-джами свидетельствует об изначальном предназначении служить местом молитвы самого султана Османского государства – в других мечетях Эдирне *эмир-мафилей* не было («царское место» в виде деревянной террасы появилось позже в Эски-джами).

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

С востока и запада к объему мечети пристроены два *завие* – блоки комнат-*табхана*, в плане образующие вместе с квадратным залом литеру Т (рис. 2, 3). Каждое *завие* также квадратное в плане, длина их достигает 2/3 длины основного объема мечети, а высота – трети высоты куба до двойного фриза; каждое разделено на 9 одинаковых ячеек, перекрытых куполами на парусах. Перекрытия центральных ячеек имеют световые фонари, что превращает помещения в аналоги дворов, а примыкающие ячейки, образующие рукава равноконечного креста, выполняют функцию отрытых в центр айванов; изолированными оказываются только угловые помещения, которые могли служить местами уединения для восьми человек. Происхождение подобной композиции блоков *табхана* из 9 ячеек можно возводить как к византийской крестово-купольной системе, так и к четырехайванной планировке центрально-азиатских зданий; однако более близким и представительным аналогом такого плана является Изразцовый павильон (*Çinili Köşk*, 1472) – первое светское здание османского Стамбула, сочетающее иранские и венецианские черты (см.: [Necipoğlu, 1991, p. 213-216; Goodwin, 2003, p. 144; Freely, 2011, p. 151-152]).

В отличие от дополнительных помещений в раннеосманских айванных мечетях, легко доступных из молитвенного зала, пристроенные к Баязид-джами *завие* оказываются изолированными – в боковых стенах зала сделаны по три прохода, ведущие в прилегающие к залу айваны боковых блоков и угловые ячейки, но эти проходы закрыты двустворчатыми дверьми, что позволяло регулировать проникновение из интерьера мечети как в оба комплекса *табхана*, так и непосредственно в соседние с ним индивидуальные помещения. В каждом *завие* располагались два помещения, обитатели которых имели возможность проходить прямо в зал мечети, минуя общие айваны, и две полностью изолированные комнаты, входы в которые открываются в айваны возле внешних дверей, позволяя сразу выйти за пределы мечети; кроме того, жильцы «внешних» северных комнат имели возможность незаметно покинуть их через проходы внутри оснований минаретов. Возможно, распределение помещений разной степени доступности извне и изнутри регламентировалось какими-то различиями в положении или деятельности «постояльцев».

Особая «статусность» Баязид-джами подчеркнута наличием двора, по периметру окруженного купольными галереями, – этот композиционный элемент, отсутствующий в синхронно строящейся мечети в Амасье, заставляет рассматривать постройку в Эдирне в рамках типа «большой османской мечети», формирующегося в Стамбуле (см.: [Кононенко, 2018]). Наличие «приютов» по обе стороны от основного объема позволило развить фасадный портик до семи ячеек, как и в Юч Шерефели-джами, но в данном случае длина портика не соответствует молитвенному залу – реальной ширины последнего «хватает» только на три ячейки. При этом на входе во двор создается привычная для раннеосманской мечети картина 5-купольного фасадного портика, поскольку угловые ячейки закрываются боковыми галереями, – в предшествовавшей мечети Эдирне такая иллюзия не возникала из-за меньшей глубины двора, легко охватываемого взглядом. Двор Баязид-джами намного глубже – на семь фасадных ячеек приходится шесть боковых. Если в галереях двора Юч Шерефели-джами ячейки разного размера перекрыты как куполами разного размера, в т.ч. с овальными основаниями, так и крестовыми сводами, то архитектор Баязида II не позволил себе играть с размером ячеек галерей и их перекрытиями, использовав купола одинакового диаметра на парусах.

Особенностью композиции Баязид-джами является и постановка минаретов – из-за дополнения основного объема мечети двумя *завие* 25-метровые башни оказались не на углах молитвенного зала, как почти во всех предшествующих постройках с двумя минаретами, а разнесены по поперечной оси и даже вынесены за пределы двора. Это привело к изменению пространственной композиции здания – из-за небольшой высоты крыльев-*завие* минареты со стороны города воспринимаются оторванными от купольного объема мечети и визуально фиксируют не сам этот объем, а прилегающее к нему пространство, зрительно увеличивая ожидаемые размеры мечети и четко обозначая наличие на удалении от Эдирне не отдельно стоящего здания, а целого ансамбля построек.

ISSN 2227-6165

Если композиция комплекса Баязида II в Амасье была рассчитана на восприятие со стороны реки, разворачиваясь к ней портиками и дворами, то в Эдирне архитекторы, расположив ансамбль госпиталя к северо-западу от города на открытом месте, лишенном застройки, обратили мечеть к жилым кварталам стеной киблы[3]. Жители Эдирне воспринимали ансамбль полностью развернутым вдоль поперечной оси, охватывая взглядом симметрично организованную панораму, – кубический объем, увенчанный куполом и фланкированный на некотором отдалении одинаковыми иглообразными минаретами. Хотя здания госпитального куллие расположены не симметрично, расстояния от галерей двора мечети до «внешних» стен соседних с мечетью построек (южной стены клиники-*дарушшифа* и северной стены имарета) почти одинаковы (ок. 46 м), и, не видя издалека различий в оформлении фасадов и размерах их куполов, наблюдатель получает впечатление абсолютно симметричного ансамбля с акцентированным центром.

Следует обратить внимание еще на одну особенность, не отмеченную ни одним исследователем: основание куллие к северо-западу от румелийской столицы привело к тому, что мечеть Баязида II оказалась на одной линии с Юч Шерефели-джами и Эски-джами: «ось ислама» (направление киблы) всех трех воздвигнутых в XV в. главных культовых зданий европейской столицы Османов практически совпала. Не известно, было ли такое совпадение программным; однако возле михраба (ниши, индексирующей киблу в интерьере) Эски-джами находилась важная реликвия – камень из Йеменского угла мекканской Каабы, что не только превратило Старую мечеть в объект паломничества, но и привело к сложению местных ритуалов почитания святыни [Düngar, 1983, p. 19-20; Кононенко, 2017, с. 326]. Создание единой линии, проходящей через михрабы крупнейших городских и пригородной мечетей, не только ориентирует их ритуальные пространства на Мекку в соответствии с религиозными установлениями, но и обращало молящихся к реликвии, также связанной с Каабой.

Уже краткое описание куллие Баязидие позволяет выделить несколько принципиальных новаций, определяющих особое место данного комплекса в османском зодчестве.

Во-первых, эдирнский комплекс Баязида II демонстрирует программность регулярной планировки, переносимую из стамбульской архитектуры (куллие Фатих) в важный, но тем не менее провинциальный центр. Отныне султанское куллие перестает быть лишь совокупностью зданий с определенными функциями, каковым оно оставалось в раннеосманской архитектуре, но превращается в четко спланированный «микрорайон» с организованными подходами и проходами, функциональными зонами, собственными архитектурными доминантами и даже с заранее продуманными возможностями наилучшего восприятия. Создатели куллие проявляют градостроительное мышление и оперируют без преувеличения градостроительным масштабом, планируя развитие инфраструктуры будущего поселения.

Башни на внешних углах пристроенных *завие*, отодвинутые от основного объема мечети, не просто зрительно расширяют площадь здания и увеличивают масштаб комплекса, – они создают специфическое «обрамление» купольного объема, демонстрируя нацеленность архитекторов на достижение визуального эффекта при взгляде на куллие из города. Ко времени возведения Баязид-джами в стамбульской культовой архитектуре, связанной с высочайшим патронатом (мечети Эйюп и Фатих), уже закрепилась «парность» минаретов, обеспечившая превращение наиболее значимых куллие в градостроительные доминанты, и перенесение этого приема в провинцию свидетельствует как об особом значении эдирнского проекта, так и об определенной унификации композиционных приемов.

Во-вторых, архитектура мечети загородного комплекса в Эдирне свидетельствует о закреплении в османском зодчестве представления об особой «султанской» постройке, требующей особой композиции – купольный зал, предваренный двором. Предтечами такой композиции послужили местная Юч Шерефели-джами и стамбульская Фатих-джами, так что эдирнская Баязидие закрепила данное направление эволюции османской культовой архитектуры и оказалась важным связующим

[3] Кибла – направление на Мекку, требуемое правилами ислама для совершения молитвы.

ISSN 2227-6165

звеном между памятниками старой и новой столиц. Архитекторы Баязида II продемонстрировали новое понимание объема здания и интерьера молитвенного зала, сводимого к комбинации двух геометрических тел – куба и полушария, предельно ясного, нерасчлененного и легко обозримого. Собственно, в рассматриваемом памятнике проявляются все необходимые черты формирующегося образа «большой османской мечети», уже через два десятилетия окончательно сложившегося в стамбульском заказе Баязида II, – того образа купольного здания с двором и парными минаретами, который ассоциируется с представлением о «турецкой мечети» в целом, прекрасно сформулированным Ле Корбюзье с акцентированием «идеальной простоты ансамбля», «элементарной геометрии» форм, обозримости интерьера и продуманных эффектов освещения [Ле Корбюзье, 1991, с. 50-52]. Учитывая, что мечеть Фатих в Стамбуле была перестроена после землетрясения 1766 г., эдирнская Баязид-джами оказывается самым ранним сохранившимся памятником группы «больших османских мечетей».

Важно отметить, что цельность интерьера мечети достигается за счет выделения *табхана* в отдельные объемы, пристроенные к архитектурному телу здания, что отличает постройку в Эдирне и от раннеосманских айванных мечетей, и от предшествующих памятников в Стамбуле и Амасье. Подобная планировка функциональных частей культового здания будет повторена в стамбульских мечетях Баязида II и Селима I (1520–1522) (*рис. 8, 9*), что свидетельствует о закреплении новаций эдирнской постройки в официальном зодчестве на следующие четверть века. В то же время сходство компоновки помещений-*табхана* вокруг центрального купольного зала со стамбульским Изразцовым павильоном позволяет говорить о распространении планировочных приемов столичной архитектуры в провинцию, использовании композиции светских зданий в культовом зодчестве, приспособлении опиравшихся на иноземный опыт наработок дворцовой архитектуры к традиционным более прозаическим нуждам (размещение дервишей при мечети).

Кроме того, решения мастеров Баязида II по организации освещения интерьера мечети через полвека будут использованы Синаном, – в частности, в Михримах-джами (1555) у Адрианопольских ворот Стамбула (Эдирнекапы), откуда начиналась дорога на Эдирне (см.: [Kuran, 1968, p. 60; Шукуров, 2007, с. 116-120]), что подтверждает высокую оценку наработок предшественников ведущим архитектором «великолепного века».

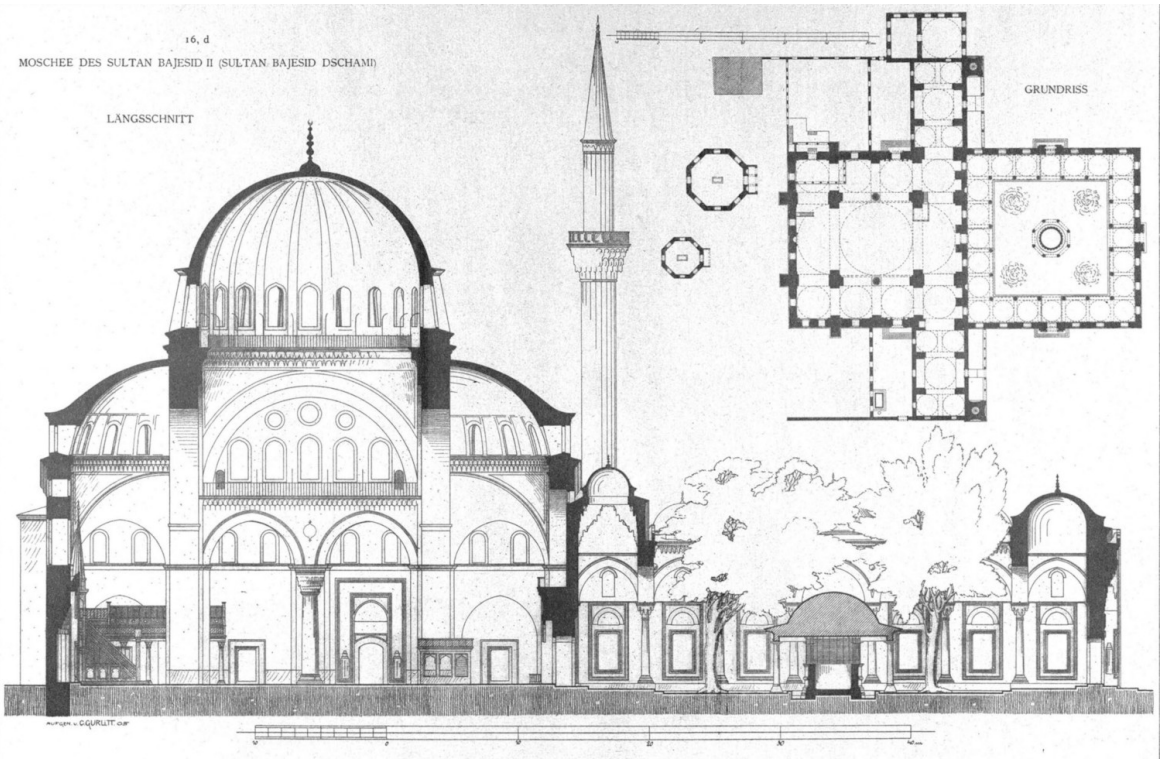

Рис. 8.
Мечеть Баязида II, Стамбул. План, разрез. Источник: [Gurlitt, 1912, T. 2, taf. 16d].

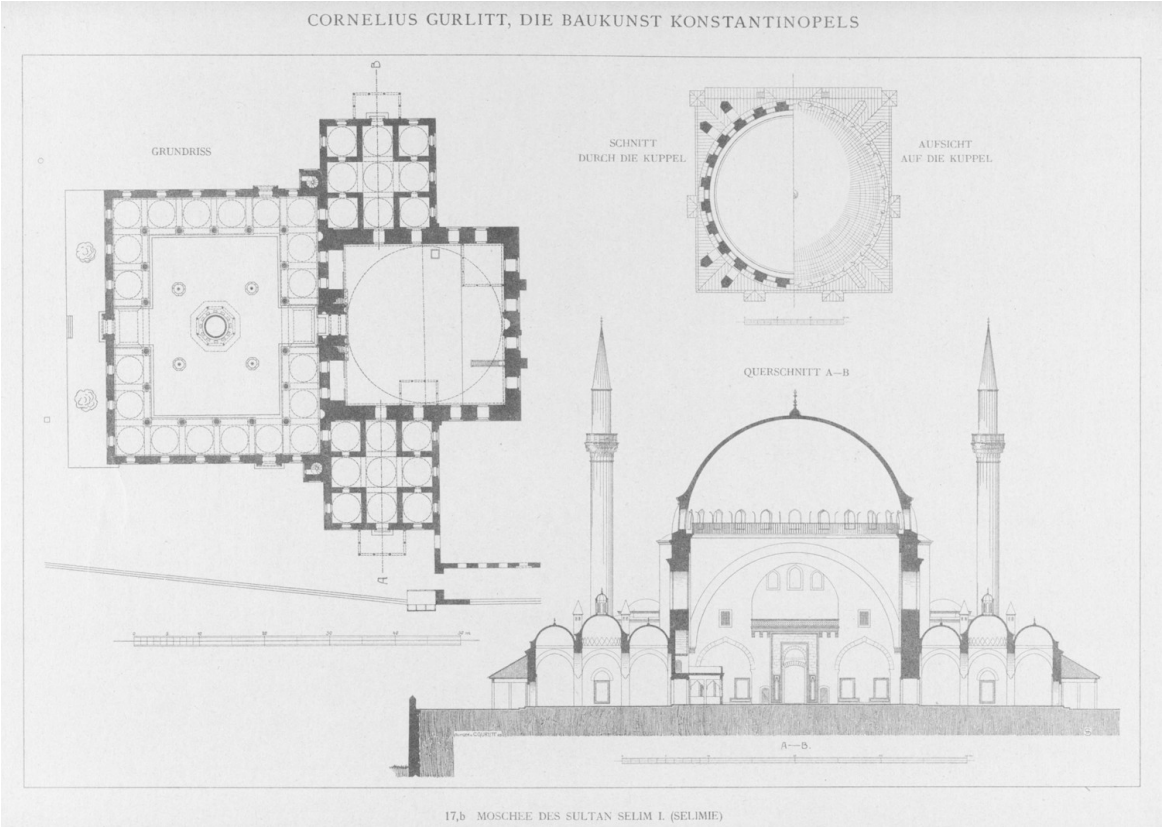

Рис. 9.
Мечеть Селима I, Стамбул. План, разрез. Источник: [Gurlitt, 1912, T. 2, taf. 17b].

В-третьих, статус эдирнской мечети как места молитвы султана впервые в османской архитектуре проявлен с помощью выделения *эмир-мафиля*, примыкающего к стене киблы. Именно после постройки Баязида II подобные «царские ложи» стали важным атрибутом строившихся под непосредственным патронатом правителей «больших османских мечетей», наглядно демонстрируя принадлежность султана к *умме* (общине верующих) и совершение им коллективной молитвы вместе с подданными, хотя и в выделенном пространстве.

Таким образом, комплекс Баязида II в Эдирне оказывается далеко не рядовой постройкой в окрестностях провинциального города, но отражением программных экспериментов османского зодчества по созданию как образцовой регулярной планировки султанского куллие, так и композиции «официальной» султанской мечети. После конструктивно-планировочных достижений стамбульской Фатих-джами (слияние изолированных боковых ячеек в нефы, использование опорного полукупола, введение поперечных осей проходов во двор и в зал, строгое подчинение мечети других построек куллие [Goodwin, 2003, p. 121-130; Freely, 2011, p. 113-120]) архитектура эдирнской Баязидие может показаться регрессом. Однако, на наш взгляд, дальнейшее развитие османского культового зодчества (как и османская завоевательная политика) нуждалось в кратковременной «фазе покоя», требовавшейся для усвоения архитектурных новаций эпохи Мехмеда II, во многом инспирированных «соревнованием возможностей» с византийскими памятниками Константинополя (прежде всего с храмом Св. Софии; см.: [Kafescioglu, 2010, p. 130-142]), и «примирения» этих новаций с раннеосманскими наработками. Для этой цели Эдирне подходил как нельзя лучше, причем не только (и даже не столько) как европейская столица Османского государства, но и как средоточие показательных памятников первой половины XV в. (Эски-джами и Юч Шерефели-джами). Ансамбли Баязида II в Амасье и Эдирне демонстрируют отступление от магистрального вектора эволюции османской мечети, намеченного в стамбульских памятниках предшествующего царствования, но в этих ансамблях происходит кристаллизация целого ряда новаторских решений, которые в стамбульской Фатих-джами могли показаться и/или оказаться разовыми.

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

К «мэйнстриму» развития османского зодчества архитекторы Баязида II обратятся через два десятилетия при возведении мечети в Стамбуле, план и конструкция которой прямо развивают новации Фатих-джами: в планировке зала и двора использованы модульные ячейки, центральный купол опирается уже на два полукупола, акцентирующие осевую симметрию, а в зале появляется поперечный северный неф (см.: [Kuran, 1968, p. 194-196; Freely, 2011, p. 183-187]) (рис. 8). Этот памятник стал реализацией идеальной для начала XVI в. модели культового здания, посильно воспроизводящей Св. Софию, и именно его возведение оценивается как переход к новой фазе эволюции османской архитектуры, ассоциирующейся с «большим стилем» Сулеймана Великолепного и Синана [Goodwin, 2003, p. 168-169]. Однако сложно не заметить, что и расположение боковых *завие*, и постановка двух минаретов на внешних углах этих пониженных пристроек воспроизводят композицию эдирнской Баязидие. Архитекторы последующих мечетей откажутся от подобного пространственного размаха в пользу большей компактности объема здания, но появление стамбульского проекта Баязида II, закрепившего образ «большой османской мечети», оказалось невозможным (вопреки обозначенному А.Миллером «линейному» развитию османской архитектуры [Миллер, 1965, с. 28]) без рассматриваемой предшествующей постройки в Эдирне.

Если под «большим стилем» османской архитектуры понимать произведения XVI в., связанные прежде всего с султанским заказом, лучше всего выраженным в уже сложившемся типе «большой османской мечети», то здание Баязида II в Стамбуле и хронологически, и типологически следует перенести из выделенной Г. Гудвином «прелюдии к большому стилю» в начало новой фазы эволюции османского зодчества. При необходимости выделения какого-то этапа (неважно, как его называть – «прелюдией», «преддверием», «фазой покоя» или как-то иначе), предшествующего «большому стилю», применительно к османской архитектуре этот этап должен иллюстрироваться именно комплексом Баязидие в Эдирне, мечеть которого оказывается промежуточным звеном между «архаизирующей» Баязид-джами в Амасье и новаторской по композиции Баязид-джами в Стамбуле, надолго предопределившей развитие османской культовой архитектуры. Пожалуй, значение такого этапа, который можно выделить перед любым «большим стилем», заключается не в появлении принципиальных новшеств (они могут быть окказиональными), а в их осознании, адаптации к уже имеющейся традиции и закреплении в качестве норматива, на который будет опираться официальное искусство следующего периода и который в зависимости от ряда условий может получить какое-либо обоснование. Впрочем, понятие и теория «большого стиля» ждут отдельных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кононенко Е.И.* Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. – Москва: Прогресс-Традиция, 2017.
2. *Кононенко Е.И.* «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур. – Москва: ГИИ, 2018. – С. 92–117.
3. *Кононенко Е.И.* Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении // Исламоведение. 2014. № 4. – С. 73–79.
4. *Ле Корбюзье.* Путешествие на Восток. – Москва: Стройиздат, 1991.
5. *Миллер Ю.А.* Искусство Турции. – Москва–Ленинград: Искусство, 1965.
6. *Шукуров Ш.М.* Византия и Ислам. Преодоление чуждости. Формирование цивилизационных отношений // Искусство Востока: Вып.3. Сравнительное изучение традиций. – Москва: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 106–122.
7. *Babinger F.* Mehmed the Conqueror and His Time. – Princeton: Princeton University Press, 1992.
8. *Dark K., Özgümüş F.* New Evidence for the Byzantine Church of the Holy Apostles from Fatih Camii, Istanbul // Oxford Journal of Archaeology. 2002. № 21. – P. 393–413.
9. *Dündar A.* Bir Belgeye Göre Amasya II. Bayezid Külliyesi // Ankara Universitesi Ilahiyat Fakültesi Dergisi. 2003. C. XLIV. № 2. – S. 131–172.

10. *Düngar A.* Edirne. – Istanbul: The Award Ceremony Local Office, 1983.
11. *Fodor P.* Ottoman warfare, 1300–1453 // The Cambridge History of Turkey. Vol. I: Byzantium to Turkey, 1071–1453. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 198–226.
12. *Freely J.* A History of Ottoman Architecture. – Southampton–Boston: WIT Press, 2011.
13. *Goodwin G.* A History of Ottoman Architecture. – London: Thames & Hudson, 2003.
14. *Gurlitt C.* Die Baukunst Konstantinopels. T. 1–2. – Berlin: Ernst Wasmuth a.-g., 1912.
15. *Kafescioglu Ç.* Constantinopolis/Istanbul. Cultural Encounter, Imperial Vision, and the Construction of the Ottoman Capital (Buildings, Landscapes, and Societies). – Philadelphia: Penn State University Press; 2010.
16. *Kazancıgil R.* Edirne Complex of Sultan Bayezid II. – Edirne: Trakya University Publications, 1997.
17. *Kuban D.* Sinan'ın Sanatı ve Selimiye. – İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1997.
18. *Kuran A.* The Mosque in Early Ottoman architecture. – Chicago: University of Chicago Press, 1968.
19. *Müderrisoğlu F.* Edirne II. Bayezid Külliyesi // Vakiflar Dergisi. 1991. C. XXII. – S. 151–198;
20. Necipoğlu G. Architecture, ceremonial, and power: The Topkapı Palace in the fifteenth and sixteenth centuries. – Cambridge: The MIT Press, 1991.
21. *Necipoğlu G.* From Byzantine Constantinople to Ottoman Kostantiniyye: Creation of a cosmopolitan capital and visual culture under sultan Mehmed II // From Byzantion to Istanbul. 8000 years of a Capital. – Istanbul: Sakip Sabanci Museum, 2010.
22. *Oğuz Z.* Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization. – Ankara: METU, 2006.
23. *Reynolds J.* Discourses on Art. – New Haven–L.: Yale University Press, 1981.
24. *Rogers M.* Waqf and patronage in Seljuk Anatolia: the epigraphic evidence // Anatolian Studies. 1976. № 26. – P. 69–103.
25. *Sayger C., Desarnod A.* Album d'un voyage en Turquie fait par ordre de sa majesté l'empereur Nicolas 1er en 1829 et 1830. – Paris: Imprimérie de Firmin Didot Frères, 1834.
26. *Süreyya Mehmed Bey.* Sicill-I Osmani / ed. N. Akbayar. C. 1. – Istanbul: Tarih Vakfi Yurt Yayınlar, 1996.
27. *Wolper E.S.* Cities and Saints. Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia. – Philadelphia: Penn State University Press, 2003.

REFERENCES

1. Babinger F. *Mehmed the Conqueror and His Time*. Princeton, Princeton University Press, 1992.
2. Dark K., Özgümüş F. *New Evidence for the Byzantine Church of the Holy Apostles from Fatih Camii, Istanbul*. In *Oxford Journal of Archaeology*. 2002. # 21. Pp. 393–413.
3. Dündar A. *Bir Belgeye Göre Amasya II. Bayezid Külliyesi*. In *Ankara Universitesi Ilahiyat Fakültesi Dergisi*. 2003. C. XLIV. # 2. Ss. 131–172.
4. Düngar A. *Edirne*. Istanbul, The Award Ceremony Local Office, 1983.
5. Fodor P. *Ottoman warfare, 1300–1453*. In *The Cambridge History of Turkey. Vol. I: Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. Pp. 198–226.
6. Freely J. *A History of Ottoman Architecture*. Southampton–Boston, WIT Press, 2011.
7. Goodwin G. *A History of Ottoman Architecture*. London, Thames & Hudson, 2003.
8. Gurlitt C. *Die Baukunst Konstantinopels*. T. 1–2. Berlin, Ernst Wasmuth a.-g., 1912.
9. Kafescioglu Ç. *Constantinopolis/Istanbul. Cultural Encounter, Imperial Vision, and the Construction of the Ottoman Capital (Buildings, Landscapes, and Societies)*. Philadelphia, Penn State University Press, 2010.
10. Kazancıgil R. *Edirne Complex of Sultan Bayezid II*. Edirne, Trakya University Publications, 1997.
11. Kononenko E.I. *Anatoliyskaya mechet' XI–XV vv. Ocherki istorii arkhitektury* [Anatolian Mosque XI–XV cent. Essays on the History of architecture]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2017.
12. Kononenko E.I. *«Bolshaya osmanskaya mechet'»* ["The Great Ottoman mosque"]. In *Kul'tura Vostoka. Iss. 3. "Vizitnye kartochki" vostochnyh kul'tur*. Moscow, GII, 2018. Pp. 92–117.
13. Kononenko E.I. *Faktor islamskoy blagotvoritel'nosti v turetskom gradostroenii* [Factor of Islamic Charity in Turkish Town Planning]. In *Islamovedenie*. 2014. # 4. Pp. 73–79.
14. Kuban D. *Sinan'ın Sanatı ve Selimiye*. İstanbul, Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1997.
15. Kuran A. *The Mosque in Early Ottoman architecture*. Chicago, University of Chicago Press, 1968.

ISSN 2227-6165

16. Le Corbusier. *Puteshestvie na Vostok* [A Journey on Orient]. Moscow, Stroyizdat, 1991.
17. Miller Yu.A. *Iskusstvo Turtsii* [The Art of Turkiye]. Moscow–Leningrad, Iskusstvo, 1965.
18. Müderrisoğlu F. *Edirne II. Bayezid Külliyesi*. In *Vakiflar Dergisi*. 1991. C. XXII. Ss. 151–198;
19. Necipoğlu G. Architecture, ceremonial, and power: The Topkapı Palace in the fifteenth and sixteenth centuries. Cambridge, The MIT Press, 1991.
20. Necipoğlu G. *From Byzantine Constantinople to Ottoman Kostantiniyye: Creation of a cosmopolitan capital and visual culture under sultan Mehmed II*. In *From Byzantion to Istanbul. 8000 years of a Capital*. Istanbul, Sakip Sabanci Museum, 2010.
21. Oğuz Z. *Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization*. Ankara, METU, 2006.
22. Reynolds J. *Discourses on Art*. New Haven–L., Yale University Press, 1981.
23. Rogers M. *Waqf and patronage in Seljuk Anatolia: the epigraphic evidence*. In *Anatolian Studies*. 1976. Vol. 26. Pp. 69–103.
24. Sayger C., Desarnod A. *Album d'un voyage en Turquie fait par ordre de sa majesté l'empereur Nicolas 1er en 1829 et 1830*. Paris, Imprimérie de Firmin Didot Frères, 1834.
25. Shukurov Sh. M. *Vizantiya i Islam. Preodolenie chuzhdosti. Formirovanie tsivilizacionnyh otnosheniy* [Byzantium and Islam. Overcoming alienity. Formation of civilization relations]. In Iskusstvo Vostoka. Iss. 3. Sravnitel'noe izuchenie tradiciy. Moscow:,LKI Publ., 2007. Pp. 106–122.
26. Süreyya Mehmed Bey. *Sicill-i Osmani* / ed. N. Akbayar. C. 1. Istanbul, Tarih Vakfi Yurt Yayınlar, 1996.
27. Wolper E.S. *Cities and Saints. Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia*. Philadelphia, Penn State University Press, 2003.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Куллие Баязида II, Эдирне. Вид с юго-востока (от Нового дворца). Фото автора, 2018.

Рис. 2. Куллие Баязида II, Эдирне. План. Источник: [Gurlitt, 1912, T. 1. s. 66].

Рис. 3. Мечеть Баязида II, Эдирне. Вид с юго-запада. На переднем плане – западное *завие*. Фото автора, 2018.

Рис. 4. Мечеть Баязида II, Эдирне. Интерьер по состоянию на первую треть XIX в. Источник: [Sayger, Desarnod, 1834, pl. 24].

Рис. 5. Мечеть Баязида II, Эдирне. Интерьер. Вид на южную часть интерьера с западного балкона. Фото автора, 2018.

Рис. 6. Мечеть Баязида II, Эдирне. Интерьер. Вид на северную часть (входной портал и балконы). Фото автора, 2018.

Рис. 7. Мечеть Баязида II, Эдирне. *Эмир-мафиль*. Фото автора, 2018.

Рис. 8. Мечеть Баязида II, Стамбул. План, разрез. Источник: [Gurlitt, 1912, T. 2, taf. 16d].

Рис. 9. Мечеть Селима I, Стамбул. План, разрез. Источник: [Gurlitt, 1912, T. 2, taf. 17b].

ISSN 2227-6165